

**МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ЛИТВЫ В СИБИРЬ И ОБРАТНО**

Альбертас Баронас

*Памяти отцов и дедов
семьи Баронас
посвящается*

*Мой Бог, ты можешь всё,
Позволь мне такую милость –
Вернуться в родные края
после трудных скитаний...*

Вместо предисловия

При написании данного варианта воспоминания – размышления «о времени и о себе» свою скромную миссию я видел не только в том, чтобы воспроизвести какие-то ключевые события, которые происходили на протяжении многих десятилетий в моей жизни, жизни моих близких и в исторических перипетиях моей Родины – Литвы, но и дать им свою оценку и свою интерпретацию. Естественно, что это мое видение событий и судеб... И возможно, именно этим оно может показаться интересным и полезным для определенного круга потенциальных читателей...

В современных литовских учебниках по новейшей истории для старшеклассников уже десятилетие достаточно однозначно излагаются события «добровольного вступления» прибалтийских государств в состав СССР (с отсылкой на результаты исследований, документальные факты и свидетельства участников событий) и трагические их последствия для жителей этих стран. В них, в частности, утверждается, что независимость Литвы, Латвии и Эстонии до поры до времени обеспечивалась международными договоренностями и двусторонними договорами с СССР и Германией о нейтральном, внеблоковом их статусе. Гарантом такого положения вещей выступали, прежде всего, Англия и Франция – победительницы Первой мировой войны. Нейтральный статус и гарантии независимости странам Прибалтики становилось все труднее защитить после одностороннего выхода фашистской Германии в 1934 году из систем Версальского договора, что позволило ей вместе со стремительным наращиванием военной мощи начать проводить агрессивную политику в первую очередь по отношению к своим восточным соседям. Для Литвы это обернулось тем, что к концу 30-х годов она вошла в сферу особых интересов Германии (в марте 1939 года немцы отторгли у Литвы Клайпедский край). Но до заключения 23 августа 1939 года пакта «Молотов - Риббентроп» оставался реальный шанс (гарантии Англии и Франции) сохранить их независимость и нейтралитет. Однако, Гитлер, решив осуществить «блицкриг» в отношении Польши, и одновременно обезопасить Германию от войны на два фронта, сделал Сталину предложение-подарок в виде тайного приложения к пакту «Риббентроп – Молотов», по которому значительные территории Восточной Европы, которые почти полностью восстанавливали контуры Российской империи, передавались в полное распоряжение Сталина. Каждый из диктаторов считал себя победителем в этом сговоре. Гитлер на правах главного «пахана» своему подельнику - Сталину одолжил лишь во временное пользование Восточную Европу. Он был уверен, что после «блицкригов» в отношении западных держав, он то же самое проделает и со сталинской Россией, включив ее, как и все остальные захваченные «жизненно важные территории» в состав «третьего рейха». Сталин, занимаясь единолично «ручным управлением» страны, развязавший в ней массовый террор, естественно, не мог не знать реальное положение вещей, в первую очередь, в Красной Армии, которая от репрессий потеряла значительную часть командного состава. Непобедимой, легендарной «и всех сильнее» она казалась лишь до провального «блицкрига» против Финляндии. Поэтому Сталин смертельно боялся: как бы Гитлер не сменил милость на гнев. И по его указанию все делалось, чтобы угодить Гитлера (усиливалось «гнобление» немецких коммунистов, росли объемы поставок в Германию стратегического сырья и т.д.). Не удивительно, что захват и раздел Польши был отмечен не только совместным парадом победителей, но и заключением нового договора «о дружбе и границах»... от

28 сентября 1939 года. Именно при подготовке этого договора, как любили подчеркивать советские авторы, «советская делегация потребовала, чтобы Германия отказалась от своих претензий к Литве». Скорее всего, это свидетельствует лишь о том, что сам Гитлер к середине сентября 1939 года окончательно решил, что «дружба по понятиям» с уже повязанным Сталиным, на данном этапе реализации его имперских планов ему нужнее, чем маленькая и бедная Литва. Ведь до 16 сентября 1939 года Германия демонстративно предлагала Литве в обмен на полное «сотрудничество» вернуть ей Вильнюс и Вильнюсский край. Это обстоятельство сыграло существенную роль в том, что и Сталин, после получения «мандата» на владение Литвой, принудив ее военными угрозами к заключению 10 октября 1939 года «договора о взаимопомощи», в конечном счете, дал согласие на включение Вильнюса и Вильнюсского края в состав Литвы, а не Белоруссии.

В официальной советской историографии и пропаганде процесс включения стран Прибалтики в состав СССР, пытались изображать не только как процесс сугубо добровольный, но и произошедший по одному сказочно-стремительному сценарию. Применительно к Литве это выглядело так: 21 июля 1940 года в ней восстанавливается советская власть, а через две недели, избранный 95% граждан Народный сейм единогласно просится в состав Советского Союза. Этой «сказочке-фальшивке» пришел конец уже в конце 80-х годов, когда, начатая по инициативе М.С. Горбачева «перестройка», стала давать свои плоды, прежде всего, по линии «гласности». И сразу выяснилось то, что на Западе было известно с самого начала. Циничный сговор Гитлера со Сталиным о разделе сфер влияния в Восточной Европе, заключенный 23 августа 1939 года и известный как пакт «Молотов-Риббентроп», в своих тайных приложениях и Литву включил в сферу «советских интересов». Этого было достаточно, чтобы Литве, как другим странам Прибалтики, навязать «добровольно принудительные» договоры о дружбе и взаимопомощи с СССР с размещением в них советских войск...

В отношении Литвы использовался не только «кнут», но и «пряник»: согласие СССР включить Вильнюс и Вильнюсский край в состав Литвы. По договору от 10 октября 1939 года Литве еще формально гарантировалось сохранение ее независимости. Даже численность размещаемых в Литве советских войск была с согласия Сталина снижена с 50 тыс. до 20 тыс. Хотя к этому времени в НКВД (И.Серов) уже была подготовлена инструкция о насильственных методах советизации Литвы. В мае 1941 года на ее основании Берия (после согласования со Сталиным) подготовил проект постановления «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». В нем были уже определены конкретные категории людей (в основном элита литовского общества), которые априори объявлялись «врагами народа» и должны быть отправлены в гулаговские лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением на 20 лет в отдаленных краях СССР.

Нетрудно уже в этом первоначальном плане советизации Литвы по-сталински увидеть политику геноцида литовского народа на основании разделения его на «полноценные» и «неполноценные» классы и слои. Поэтому, когда 15 июня 1940 года после очередного ультиматума был введен в Литву «неограниченный» 150-тысячный воинский контингент и «ограниченные» 5-6 тыс. подразделения НКВД, то это стало завершающей фазой оккупации и началом стремительно нарастающей, насильственной советизации Литвы. Во главе этого процесса был поставлен В. Деканозов, который с первого дня пребывания в Литве вел себя как уполномоченный Сталиным правитель Литвы. Выполняя одновременно функции президента, премьера

и с хваткой «сталинского сатрапа» он «зачистил» Литву так, что не прошло и двух месяцев, как вновь «избранный» по советским лекалам Сейм, естественно, единогласно попросился в состав СССР. К слову, другие сталинские наместники то же самое и так же успешно проделали с Латвией и Эстонией. Хотя крупнейшие страны Запада тогда, не сумевшие защитить независимость Прибалтийских государств, смирились с оккупацией, но так никогда не признали законность присоединения стран Прибалтики к СССР. Это, между прочим, позволило Литве после принятия Акта о восстановлении независимости 11 марта 1990 года получить сначала морально-политическую поддержку стран Запада. А через год – признание ими независимости Литвы уже «де юре». Литва всегда будет вспоминать с благодарностью маленькую Исландию, которая первой это сделала в феврале 1991 года.

Хотя какая-то очень незначительная часть жителей Литвы старшего поколения до сих пор советский период жизни Литвы вспоминают ностальгически, но для подавляющего большинства литовцев этот период, особенно в его сталинской фазе, остался в памяти как кошмарный сон и проявление самого настоящего геноцида. И действительно, период сталинской советизацией Литвы (1940–1953 г.г.) поражает масштабами и жестокостью репрессий в литовском обществе. По далеко не полным подсчетам литовских исследователей, более 450 тысяч литовцев стали жертвами советского террора. А это, как подсчитали исследователи: или каждый третий взрослый, или каждый второй мужчина, или каждая восьмая женщина, или каждый шестнадцатый ребенок. Конкретнее картина выглядит следующим образом. В 1940–1952 годах было вывезено из Литвы более 130 000 человек в ссылку, в основном, в Сибирь. Более 200 000 человек были осуждены и попали в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. 120 000 человек в 1944 году бежали на Запад, обоснованно опасаясь возобновления сталинского террора. 20 000 партизан погибли в неравной борьбе, с превосходящими силами оккупантов и их приспешников. Кроме того, более 245 000 человек стали жертвами войны. Из них почти 200 000 литовских евреев, погибли в фашистских гетто. Всего же по данным литовских исследователей Литва, после ее насильственного включения в состав СССР с 1940 по 1958 год потеряла более 1 млн. своих жителей, то есть треть своего населения.

Поскольку на огромной территории Сибири находились основные места заключения и ссылки, постольку, подвергшиеся репрессиям жители Литвы, депортировались в самые разные регионы Сибири. Томская область оказалась одной из немногих областей Сибири, где не было гулаговских лагерей. Зато было много почти идеальных мест для ссылки и спецпоселения. К северу от Томска простиралась бескрайняя тайга. Страна нуждалась в древесине для восстановления народного хозяйства, но не хватало дешевых рабочих рук. Эту проблему во многом удалось решить благодаря ссыльным, которые прибывали из самых разных регионов СССР по заранее подготовленным «сталинским планам» в возрастающих масштабах до самой смерти тирана. В томскую тайгу люди доставлялись двумя основными маршрутами. До Новосибирска или Асино – поездом в «скотском» вагоне, а затем – на баржах, в тех же скотских условиях, по рекам Оби, Кети, Чулыму до мест назначения, которыми в основном были лесозаготовительные пункты и леспромхозы. Как известно, первая из заранее запланированных варварских депортаций началась во всех республиках Прибалтики одновременно, за неделю до начала войны: 14 июня 1941 года (этот день стал днем памяти жертв сталинских репрессий во всех трех Прибалтийских государствах). Тогда из Литвы было вывезено 17,5 тысяч человек, представлявших до советской оккупации элиту общества. В Сибири оказалось 11 991

человек. В Томской области, тогда входившую в Новосибирскую область, оказалось 1 307 человек. Основная масса (7 232 человека) попала в Алтайский край. В период с 1944 по 1950 годы в Томскую область попало еще 2 400 ссыльных из Литвы. Зато в 1951 году, когда завершалась «сплошная коллективизация всей Литвы», в ней оказались на спецпоселении сразу 7 277 человек. На 1 января 1953 года по количеству находившихся на учете ссыльных литовцев Томская область занимала третье место в Сибири: 9 627 человек. В это время в Красноярском крае было зарегистрировано почти 40 тысяч ссыльных литовцев, а в Иркутской области - более 38 тысяч. В эту статистику не попадали дети и подростки, лишь после достижения совершеннолетия они становились «полноценными ссыльными» и обязаны были постоянно отмечаться в комендатуре. Из общей статистики выпадала также студенческая молодежь, уехавшая учиться в другой город. Томск, имевший статус «сибирских Афин», притягивал к себе литовскую молодежь из соседних областей региона. Правда, дети ссыльных не принимались на ряд престижных технических факультетов, связанных с военно-промышленным комплексом. Поступали на другие естественно технические факультеты томских вузов. Особой популярностью пользовалась окруженная ореолом романтики профессия геолога. Многие выпускники томских вузов, став классными специалистами, достигли значительных успехов в своей профессиональной деятельности, работая в городах и весях Сибири. Но лишь единицы смогли вернуться на родину и поработать на благо Литвы.

Тем не менее, Литва никого не забыла. Практически все репрессированные и их дети получили реальную возможность вернуться в Литву. В первой половине 2000-х завершилась последняя волна массового возвращения литовцев в родные края. Она состояла в основном из людей пенсионного возраста. Кто мог и хотел – вернулись, кто-то спился - деградировал, канул в лету безвестности. Кто умер в местах ссылки и нашел свой последний приют в сибирской земле, на многие годы дал литовской патриотически-ориентированной молодежи миссионерскую работу по приведению в порядок могил литовцев в Сибири. Кто-то адаптировался к жизни в Сибири и, в конечном счете, интегрировался в российскую культуру в широком смысле этого слова, не потерял реальную связь с родственниками, живущими в Литве, пусть продолжают вносить свою лепту в ее развитие и процветание. Для Литвы они не стали своеобразными «блудными сыновьями и дочерьми», ведь родительский дом в Литве они покинули не по своей воле ... Пусть пока они сами или их дети и внуки не планируют вернуться на постоянное жительство в края своих предков. Ведь в Сибири они обрели все, что необходимо для процветающей и счастливой жизни, но Литва будет рада встретить их и в качестве туристов. Потому, что кто то из них когда-нибудь может не просто вернуться на землю предков, но и стать президентом Литвы.

Трагическая история Литвы в XX веке доказала, что она сохранила потенциал не только для восстановления своей государственности, но и для создания благоприятных условий для всестороннего развития в рамках Евросоюза и достижения его стандартов во всех сферах жизнедеятельности общества. В итоге Литва, маленькая европейская страна, народ которой прошел сквозь ужасы войны, оккупации тоталитарными режимами, вступила в XXI век свободным демократическим государством. И этот путь к свободе и независимости по-своему прошла почти каждая семья, почти каждый житель Литвы. К сожалению, дошли не все... В том числе мой отец, погибший как партизан в возрасте 38 лет и мой брат, умерший в Сибири в возрасте 16 лет. Сам же я не только выжил в Сибири, но и вернулся в Литву и полной мере воспользовался плодами восстановленной

независимости. И я, наверно, могу сказать, что в полной мере счастлив, если бы отец и брат дожили хотя бы до 11 марта 1990 года. Поэтому всегда чувствовал себя обязанным рассказать о том пути, который прошла наша семья за последние семьдесят с хвостиком лет моей жизни. К сожалению, память сохранила не так уж много, как хотелось бы.

Семья Баронас в ссылке (Томская область, 1940-е годы)

Итак, родился я в деревне Бутенай в августе 1939 года в большой, трудолюбивой крестьянской семье, которая, формально оставаясь традиционной (состояла из трех поколений во главе с патриархом), но ориентировалась уже не на натуральное хозяйство и связанную с ней психологию «не высовываться», а на модернизацию хозяйственной деятельности и активную жизненную позицию, выходящую за пределы чисто меркантильных семейных интересов. Эта тенденция проявилась уже в начале XX века, когда мой дедушка Повилас Баронас (1880-1936 г.г.), будучи еще молодым человеком, отправился в далекий и незнакомый, но заманчивый своими заработками столичный Петербург. Цель поездки была традиционной: накопить денег на приобретение земельного участка, дающего право обзавестись собственной семьей. Однако нашел он там не только хороший заработок, но и встретил свою судьбу: красавицу Мариёну (1886-1972 г.г.), в браке и любви с которой они родили и воспитали трех сыновей: Повиласа (1910-1948 г.г.), Пятраса (род. 1914 г.) и Юозаса (1923-2000 г.г.), достойных продолжателей дела «рода Баронасов». Накопив достаточную сумму «золотых червонцев», чтобы приобрести в родной деревне приличный земельный участок, они несколько лет откладывали возвращение домой. Сначала - потому, что были маленькие дети, потом, разгоревшийся пожар Первой мировой войны, охватил и территорию Литвы. Но в 1918 году, когда стало ясно, что город их молодости и благополучия все глубже погружается в пучину голода и большевистского террора, они без колебаний превратились в беженцев, взяв с собой лишь самое ценное. Это должно было помочь легче и быстрее добраться до родной Литвы, которая, по доходившим слухам, уже провозгласила свою независимость. Однако пересечение первого же пограничного пункта обернулось для семьи финансовой катастрофой: конфискацией «на благо пролетарской революции» всех ценностей, которые семья накопила за долгие годы труда. Поэтому, когда, наконец, добрались до Бутенай, пришлось начинать практически всё с нуля. Однако, благодаря трудолюбию, поддержке ближайших родственников, а чуть позже: полученному от государства наделу, хозяйственная деятельность семьи дедушки Повиласа медленно, но верно становилась все более успешной. Тем не менее, строительство нового дома затянулось на долгие годы. Но в 1936 году, когда строительство дома вышло на стадию отделочных работ, произошло несчастье. Дедушка случайно поранил ногу гвоздем. Пока рана не стала серьезно беспокоить, не обращался за медицинской помощью. Когда обратился, было уже поздно: произошло заражение крови, что и стало причиной его преждевременной смерти.

Через год в новом доме справили новоселье. Но в нем уже с трудом вмещались все три поколения быстро растущей семьи Баронасов. Дело в том, что мой отец (Повилас младший) еще в 1934 году женился на моей маме (Мариёне младшей), скромной и трудолюбивой девушке из соседней деревни Адоmine. В 1935 году родился их первенец, мой старший брат Антанас (1935-2007 г.г.) А затем с одинаковым интервалом в два года - еще четверо: Владас (1937-1953 г.г.) и, поныне здравствующие, я - Альбертас, Стасис и Альгис. Став вместе с бабушкой главой семейства, отец при поддержке братьев (дядей Пятраса и Юозаса) продолжил модернизацию производственной деятельности. Была проведена частичная мелиорация заболоченных земель, все активнее использовались химические удобрения, осваивалось производство конкурентоспособной свинины для экспортного рынка и т.п. К 1939 году семья владела уже 18 га земли, более 9 из которых были пахотными. В семье был обеспечен скромный достаток. Будущее представлялось достаточно оптимистичным. Дядя Пятрас заканчивал водительские

курсы. Это в перспективе позволяло начать механизацию сельскохозяйственного производства. Дядя Юозас уже подрабатывал на стороне. Что приносило дополнительный денежный доход в бюджет семьи. 5 юных «помощников с ложкой» со временем должны были превратиться в реальных тружеников и, скорее всего, не только «с сошкой». А при продолжении устоявшейся тенденции воспроизводства «рода Баронасов» количество классных работников могло в идеале удвоиться. Ведь в своей семье дедушка Повилас был последним, десятым ребенком.

Однако все радужные надежды рухнули в одночасье, после советской оккупации Литвы летом 1940 года. Введенные в страну вслед за 150-тысячной Красной армией, подразделения НКВД, при поддержке, просоветски и прокоммунистически настроенных местных активистов, сразу же начали превентивные, в устрашающих масштабах, зачистки литовского общества по отработанному в самой стране Советов сценарию. Расчет был прост: в зародыше подавить всякое сопротивление. Это давало возможность создать хотя бы видимость «добровольности» ускоренному процессу насильственно - принудительной советизации Литвы. Такое бесцеремонное и наглое хозяйничанье не прошеных «гостей», естественно, не могло не вызывать среди значительной части литовцев, в том числе, и среди вставших на ноги крестьян-хуторян, более или менее активного неприятия и сопротивления. Отец оказался среди тех сельчан, для которых хватило года советизации, чтобы осознать, что новый сталинский порядок на родной земле абсолютно не приемлем. Да, они не были востребованы в критический час для Литвы струсившей сметонавской властью. Но как граждане и патриоты независимой Литвы, получившие после службы в ее армии статус «национальных гвардейцев», уже готовы были самоорганизовываться, чтобы оказывать оккупантам активное сопротивление, включая вооруженное. Неожиданно и стремительно в июле 1941 года на смену советским «благодетелям» пришли немецкие оккупанты. Вначале воспринимались почти, как освободители, по крайней мере, как относительно меньшее зло. В первую очередь потому, что не посягали на самое святое литовского крестьянина – его частную собственность на землю. Будучи избранным (назначенным) старостой села, отец добросовестно выполнял свои функции, в том числе и посреднические – между сельчанами и оккупационной властью. Однако, когда в конце 1943 года стало ясно, что в Литву в ранге освободителей и победителей снова возвратятся советские оккупанты, отец, скорее всего, с согласия семьи решил, что нужно уходить в партизаны. Для него последствия этого «второго пришествия и нашествия НКВД были очевидны: возобновятся еще более масштабные и жестокие репрессии. И Литву «зачистят» уже не только от всех «антисоветски настроенных элементов и классовых врагов», но и от «пособников фашизма». И действительно, возвращение в Литву в «ранге победителей» советских карательных структур обернулось для неё еще более страшными репрессиями: включая расстрелы без следствия и суда. В своей практике террора они руководствовались сталинской теорией «обострения классовой борьбы по мере построения социализма». В ее первооснове лежали, печально знаменитые, человеконенавистнические постулаты: «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдается, то его уничтожают». В самой «стране Советов» практика террора стала «нормой жизни» еще в начале 30-ых годов. Она, как теперь известно, принесла не только богатый «кровавый урожай»: миллионы убитых и замученных. Она сталинскому режиму позволила также превратить страну в «огромный Гулаг», а ее граждан довести до состояния «винтиков». Оказавшись «под» и «за железным занавесом» люди были обречены в своей массе верить «в мудрость вождя» и петь: «я другой такой страны не знаю, где

так вольно дышит человек». Как тут не вспомнить фрагмент моей детдомовской жизни начала 50-х годов. Обеспечение детдома предельно аскетическое. Питание, особенно зимой, скудное. Как сейчас, помню призывы одной из сердобольных воспитательниц: «Дети, ешьте суп с хлебом, может, наедитесь». Дело в том, что хлебную пайку, которая нам выдавалась, мы, хотя бы частично оставляли «на потом». Это, как правило, означало и то, что этот хлеб прятался где-нибудь на улице в укромном месте (чтобы не смогли его достать даже воробьи). Когда хлеб промерзал, превращался в наш «фирменный деликатес», который всеми ценился. Его можно было не только потребить самому, но и обменять на что-то другое или подарить своему покровителю и т. п. С меньшим удовольствием мы потребляли мороженую капусту. Убывающая куча качанов капусты лежала почти всю зиму в одном из промерзающих подсобных помещений. Пока ее остатки не начинали разлагаться. При этом я, как и многие другие, был искренне уверен, что у нас самое счастливое детство. Все концерты нашего детского хора начинались с песни «о Сталине мудром, родном и любимом». Особенно вдохновенно она звучала тогда, когда ее вместе с нами исполнял, обладавший мощным и красивым баритоном, дяденька. После смерти Сталина он из деревни исчез. А мы узнали, что его по просьбе местных партийных властей вернули в Таллиннскую оперу, где до высылки в Сибирь он был одним ведущих исполнителей. Оказавшись в нашей деревне, возможно, чтобы как-то поддержать форму, он сам напросился помочь нашему хору. Но его могли просто обязать это сделать. В эти годы «зомбированность» была такой всеохватывающей, что даже мне, пережившему ужасы высылки в Сибирь и драму адаптации к детдомовской жизни, какое-то время казалось, что мне повезло, что нас вывезли в Сибирь, а я оказался в детдоме. Теперь-то мне понятно, что такого рода иллюзии могли возникнуть лишь на фоне еще более нищенской жизни наших деревенских сверстников.

Возвращаясь к общим размышлениям по теме воспоминания, хотелось еще раз подчеркнуть: именно нарастание масштабов советского террора привело к нарастанию и сопротивлению. Все новые тысячи литовцев, в первую очередь крестьян-собственников, спасаясь от преследований, или, опасаясь грядущей волны репрессий, вынуждены были прятаться, уходить в лес. Значительная часть этих людей становилась партизанами поневоле. Ведь люди после нескольких лет оккупации понимали, что у них нет шансов восстановить независимость Литвы. И они готовы были мириться с советской оккупацией родной земли, пока их сильно не притесняли, позволяя мирно трудиться на своей земле. То есть, в начале послевоенной советизации Литвы многие из них, руководствуясь тактикой «несоучастия» в советизации, отдавали предпочтение «мирному сосуществованию» с новой властью. Не получилось. Новые «господа-товарищи» такое отношение к себе расценили даже не как форму пассивного ей противостояния, а как попытку прямого саботажа. Это в полной мере проявилось уже в начале второго этапа советизации, когда политика «принуждения к социализму» была перенесена и на крестьянство. А оно Литве в основном оставалось мелкотоварным. По привнесенным советским меркам почти любого крестьянина-собственника легко можно было объявить «кулаком-кровопийцей». Более того, когда была объявлена «сплошная коллективизация», стало «нормой» «раскулачивание» не только зажиточных крестьян, но и всех не лояльных и не угодных власти. Это означало, что новые тысячи семей, чаще всего, в полном составе высылались в Сибирь. При этом разрешалось брать с собой лишь минимальное количество вещей и продуктов. По этой причине не малое число ссыльных, вывезенных в Сибирь в зимний период, погибало от холода,

голода и болезней еще в пути. Такая участь была predeterminedена и нам зимой 1947 года, если бы наша Бабушка не проявила сверхгероические усилия для нашего спасения. Но об этом рассказ ниже. Все это заставляло уже сотни тысяч литовских крестьян оказывать сопротивление, даже если это грозило смертью. Вместе с тем, нужно признать, что, осуществленные в Литве после ее оккупации » в течение 10 лет зачистки и репрессии, сделали «свое черное дело». Литва, потеряв цвет нации, оказалась не только обескровленной, но и обезглавленной.

Иначе говоря, большая часть жителей Литвы к началу 50-х годов ради выживания и сохранения «литовской самости» смирилась с неизбежностью советизации. Возможно и потому, что в недрах народной памяти еще сохранился исторический, достаточно успешный, опыт пассивно-активного противостояния русификации в рамках Российской империи. Многие сотни тысяч литовцев, руководствуясь психологией «маленького», ничем не защищенного человека решили для себя и своих семей - «не высываться» и не противиться советским нововведениям в надежде, авось, минует меня чаша сия. В большинстве случаев так оно и вышло. Люди получили возможность относительно спокойно жить, влюбляться, обзаводиться семьями, воспитывать детей, ходить в церковь и даже какое – то время вести свое хозяйство. В Бутенай большинство крестьянских семей тоже оказалось вне баррикад противостояния и практически не пострадало. Судьба их складывалась более или менее однотипно: чаще всего «добровольно–принудительное» вступление в колхоз. В нём после смерти Сталина всем «жить стало лучше, веселее». Дети, подрастая, получили право уезжать в город на учебу или уйти в армию и не вернуться. Но, и в Бутенай было ряд семей, которые после оккупации Литвы и начала ее советизации оказались активно втянутыми в противоборство. Это иногда ставило по разные стороны баррикад не только соседей, но и родственников. Фамилия Баронасов не стала исключением. Если один из ее представителей, мой отец, с самого начала с этим не хотел мириться, то Миколас, его двоюродный брат, испытывал симпатии к идеям и практике социализма (к слову, в Литве было немало леворадикальной прокоммунистически настроенной интеллигенции). Поэтому добровольно, по мере сил, помогал новой власти утверждать в деревне «власть советов» и попутно избавляться от антисоветских элементов. Но, не заработав на этом особых дивидендов, он доживал свой век в одиночестве и в болезнях. Обветшавшая усадьба после его смерти досталась чужим людям и пришла в полный упадок. В определенном смысле его судьба показательна и поучительна... Хотя в конце 1948 года вряд ли такие просоветски настроенные активисты, как он, сомневались в том, что и в Бутенай скоро «окончательно и бесповоротно» победит «дело социализма». Ведь бутенская земля была уже очищена от непримиримых врагов новой социалистической жизни.

Скрывающийся в окрестных лесах отряд Повиласа Баронаса после его гибели прекратил свое существование. Все члены семьи «главного бандита» Бутенай «давно уж в Сибири». Ничто уже не мешает реализовывать план «сплошной коллективизации. У меня нет оснований утверждать, что Миколас содействовал высылке нас в конце 1947 года. От таких, как он, при решении таких вопросов мало что зависело. Ведь из Москвы приходил план-разнарядка: когда, где и сколько «врагов народа» необходимо обнаружить и соответствующим образом покарать. Но, наверняка, наш родственник должен был оказаться среди тех энтузиастов строительства «новой жизни», которые уже в начале 1948 года разбирали и перевозили наш дом в деревню. Там его приспособили под колхозную контору. Появление в Бутенай этого «первого пая» стало не только «первой ласточкой», но и

«спусковым крючком» начала поголовной коллективизации. Спустя десятилетие, когда у колхоза появилась новая контора, наш дом продали одной из колхозниц. Дом до сих пор остается жилым. Я на него решился посмотреть лишь один раз, еще в советские времена и то тайком, было почему-то неудобно подходить близко. Не обнаружив в доме, одиноко стоявшем на пустыре, характерных признаков своей усадьбы (наш дом стоял на холме в окружении вековых деревьев), я понял, что это уже не дом моего детства, а другой - чужой дом, в котором жить было бы неуютно. Возможно, такого же рода ощущения были у дяди Юозаса и его семьи. После начала реституции они имели право вернуть всю, когда-то отобранную у семьи, собственность. Однако дядя Юозас, являясь правопреемником, восстановил свое право собственности лишь на землю. В 1948 году земля, как и дом, тоже была объявлена «общеколхозным достоянием». Таким способом новоиспеченный колхоз обзавелся «вторым паем». Его сразу превратили в одно большое, по-настоящему, колхозное поле. Для этого уже весной 1948 года территорию усадьбы очистили от оставшихся построек и вместе с остальной землей перепахали. Правда, наш погреб, сооруженный у основания холма, из огромных камней, простоял до середины 60-х годов. По крайней мере, в августе 1964 года он был разрушен лишь частично. Тогда, будучи еще студентом, я впервые приехал в Литву и первым делом решил взглянуть на родную усадьбу. Я знал уже, что дом перевезен, но мне почему-то верилось, что многое сохранилось. Особенно хотелось увидеть подросший и уже плодоносящий сад, или хотя бы его фрагменты. Я хорошо помнил, что осенью 1947 года в нашем юном саду, где стояло несколько ульев, мы уже собирали первый урожай. Он для меня навсегда остался самым дорогим символом «малой родины» и родной усадьбы. Правда, более сладостный след в моей памяти оставила груша. Она росла во дворе школы. И я, первоклассник, во время перемен наперегонки с другими детьми устремлялся во двор, где под большой и высокой грушей дожидались упавшие на землю плоды. Они были светло-желтого цвета, очень крупные и очень сладкие. А при поедании, казалось, просто таяли во рту...

К слову, груши такой же вкусноты через много лет стали вызревать в саду усадьбы дяди Юозаса в Шяуляе. По этой причине желающих ими полакомиться и днем и ночью было предостаточно. Я почти каждый год во второй половине августа приезжал в гости. Однажды ночью, после того как залаяла собака и послышался треск ломающихся веток груши, я выскочил в одних трусах из постели и погнался (но, на всякий случай, не очень быстро) за баскетбольного роста верзилой, выкрикивая одну и ту же фразу: догоню-убью. Слава богу, не догнал. Между прочим, утром он явился сам. Оказалось, что во время «отступления из сада» с одной ноги его свалился кед. Он, действительно, был баскетболистом и носил дефицитный 47 размер. Его простили уже за это. А грушу через несколько лет по этой причине все же пришлось вырубить.

Но вернемся к усадьбе... Итак, вместо сада я увидел погреб с выломанными дверьми. Внутри его, в сумрачной прохладе, отдыхали чьи-то овцы. На поверхности погреба возвышалось лишь одно деревце одичавшей вишни. В нескольких десятках метров от погреба виднелся остов бани, рядом - заросший пруд. Каких либо признаков других построек не обнаружил, да и не мог обнаружить. На месте усадьбы раскинулось «худосочное» овсяное поле, уходящее в даль. Даже мне, не специалисту, было ясно, что скудная супесчаная земля усадьбы не пригодна для земледелия, зато на ней всегда прекрасно росли грибы. Она не даст хорошего урожая даже при хорошей агротехнике. Значит, каждый год ее засеивают ради «количества» и «галочки» Или кому-то очень хочется окончательно стереть последние признаки

присутствия семьи Баронасов на бутенской земле. Эти предчувствия подтвердились. Оказавшись на том же месте спустя три года, я никаких следов и символов усадьбы уже не обнаружил - было горько и обидно. Я знал, что «никогда не забуду» усадьбу своего детства и одновременно осознавал, что уже никогда ее не увижу. Почти два десятилетия я не появлялся в Бутенай. Но когда, вернув землю, семья дяди Юозаса начала ее обустраивать, я понял, что известная пессимистическая формула жизни: обратной дороги нет - ошибочна. Символично, что в 2008 году, когда было завершено обустройство собственной усадьбы, мой двоюродный брат, внук дедушки Повиласа, сын дяди Юозаса – Пятрас Баронас (младший) выкупил бывшую усадьбу Миколаса. Однако на её месте возникло не «распаханное поле», а прекрасная современная усадьба, гармонически вписывающаяся в окружающий природный пейзаж и максимально адаптированная для жизни в деревне. Показательно и то, что от старой усадьбы новые хозяева попытались сохранить все, что выдержало испытание временем и символизировало связь времен и семей: погреб, несколько старых яблонь и вековых деревьев, а так же надпись – табличка: «М. Баронас 10», которая была прикреплена к дому в 20-е годы. Все это символизирует и иллюстрирует то, что, в конечном счете, как правило, торжествует историческая справедливость, особенно, если она ведет к примирению победителей и побежденных. Пусть виновников противостояния давно нет в живых. По большому счету, уйдя в партизаны и возглавив отряд, мой отец тоже не испытывал ненависти к тем односельчанам, которые сотрудничали с новой советской властью. Он, как бывший староста деревни, руководствовался установкой: никого из односельчан не трогать. Благодаря продовольственной подпитке, прежде всего, от окрестных крестьян, отряд «Бредиса» - лося мог продержаться еще долго, если бы не трагические события осени 1948 года. Отец из-за случайно возникшей перестрелки между своими был смертельно ранен, а после смерти похоронен на одном из лесных кладбищ. Ищейки НКВД, выйдя на след могилы, эксгумировали труп, потом тайно перезахоронили в другое место. Дяде Юозасу пришлось не мало потратить времени и приложить усилий, прежде чем удалось обнаружить это место захоронения, приехав в Литву летом 1975 года я тоже подключился к поискам следов отца. В одном из хуторов в районе Слепшишкес пожилая семейная пара, увидев меня, сразу среагировала одной фразой: вылитый Повилас. Поскольку образ отца из моей памяти исчез, (последний раз видел летом 1945 года темной ночью при освещении костра), а фотографий не сохранилось, так я впервые узнал как выглядел мой отец. Отец умер в возрасте 38 лет, а мне было уже 36. В 1989 году останки отца, вместе с останками четырех других погибших партизан, были торжественно перезахоронены в братской могиле на деревенском кладбище в Слепшишкес. Оно примыкает к большому лесу Шимонес, в котором находилась основная их база. К этой могиле, уже потому, что она братская, еще многие десятилетия «не зарастет народная тропа». Ведь они, не побоявшись вступить в смертельную борьбу за свободу и независимость родины с во много раз превышающими силами оккупантов, защитили репутацию Литвы, как свободолюбивой страны. Почти все погибли. Долгие годы о них вслух можно было говорить лишь как о бандитах. Мне самому не раз пришлось переживать унижение при написании своей биографии. Первый раз при поступлении в университет в Томске. В графе об отце, после просмотра документов в пресловутом втором отделе жестко подсказывали: «стал не партизаном, а бандитом», Тем не менее, в памяти не только родственников, но и в памяти народной «дело партизан» продолжало жить и все более воспринималось как самопожертвование и подвиг во благо Литвы. Через 2 десятилетия их дело решались поддержать лишь разрозненные группы диссидентов.

А через четыре десятилетия дело свободы и независимости стало уже делом и уделом абсолютного большинства жителей Литвы. Литовский народ, проявив сплоченность и массовый героизм, реабилитировал себя. Более того, он добился свободы и восстановления своей государственности, используя лишь мирные формы борьбы. Значит, самопожертвование партизан не было напрасным.

Сложнее однозначно ответить на другой, более конкретный вопрос. В какой мере в той ситуации был предопределен и оправдан уход в партизаны данного конкретного человека: моего отца? Я уверен, что это он сделал с согласия взрослых членов семьи. В этом смысле семья добровольно оказалась в заложниках возвратившихся в Литву советских карательных структур. Возможно, Бабушка и Мама смутно надеялись, что их с 5 малолетними детьми не тронут, однако репрессии последовали незамедлительно. Избежал репрессий лишь дядя Пятрас. Он, как и сотни тысяч других литовцев, решил на эмиграцию. Будучи профессиональным шофером, он вслед за отступающими немецкими войсками перемещался на запад, пока не оказался в английской зоне оккупации. Оттуда уехал в Англию, затем переехал в Австралию, а из неё в Канаду, где в здравии и благополучии доживает свой богом и судьбой отпущенный век. Но такая возможность была совсем у немногих. А в той обстановке это означало: кто не успел - тот опоздал - мышеловка захлопнулась. Поэтому все остальные члены семьи отца, в том числе и мы, дети, были обречены на репрессии. Первым под колесо «сталинской фемиды» попал дядя Юозас. Пытаясь не дать новой власти повода для преследований, он нашел работу в железнодорожном транспорте. Работа там приравнивалась к армейской службе. Но его быстро вычислили, арестовали, как преступника (дезертира) и отправили на 10 лет каторжных работ в одну из золотодобывающих шахт под Магаданом. Там он выжил, но серьезно подорвал здоровье, заработав, в частности, силикоз легких. После окончания срока заключения вместе с товарищем по несчастью он получил право переехать на спецпоселение в Томск. Там жило немало ссыльных литовцев. Трудоустроился плотником в строительно - ремонтный комбинат, получил комнату в одном из бараков в Спегородке, который в 30-ые годы был построен именно для спецпереселенцев. Сразу же перевез к себе жить нашу бабушку, свою маму. Возраст уже не позволял долго оставаться холостяком. Женился на миловидной, домовитой, в полной мере созревшей для семейной жизни Анеле. Ее многочисленная семья, как кулацкая, была выслана в Томскую область в 1951 году. У молодоженов в 1959 году родился сын Пятрас, а через два года - дочь Вида. Это позволило семье улучшить жилищные условия. Им выделили «двухкомнатную» квартиру, приблизительно в 25 кв. м., в которой кроме комнаты была и кухня. В 1964 году дядя Юозас с семьей получил возможность вернуться в Литву. В Шяуляе удалось приобрести собственный домик и устроиться на работу. После освобождения, чуть встав на ноги, во все последующие годы дядя Юозас постоянно кому-то помогал, иногда даже в ущерб семье. А опеку и поддержку нас, его племянников, я и сейчас оцениваю как отцовскую. В 1959 году, когда я вышел из детдома и не поступил сходу в университет, он помог мне трудоустроиться и принял в своей 12 кв. м. квартире, в которой, к слову, кроме меня проживало 4 члена семьи. А в 1975 году в Новой Акмяне он нашел работу по специальности с перспективой быстрого решения жилищной проблемы моему младшему брату Альгису. Что позволило ему с семьей не только переселиться в Литву, но и укорениться. Младший сын брата, Эдуард с женой и двумя детьми живет в Шяуляе и работает в фирме своего дяди. Правда, дочь Марина, выйдя замуж за

одноклассника, вернулась в уральский городок Кыштым, где и проживает вместе с мужем Сергеем и дочерью Иолантой, студенткой одного из челябинских вузов.

Второй под прессом сталинского «правосудия» оказалась Мама. В том же 1945 году ее арестовали, вывезли в район северного Урала и без суда и следствия бросили в одну из местных тюрем. Через 3 месяца она предстала перед судом пресловутой «тройки». Обвинение было стандартным: пособничество бандитам. Наказание - 10 лет лагерной жизни в Сибири. Правда, после смерти «усатого изверга» её отпустили на волю, но без права возвращения на родину. Но она и не собиралась возвращаться. Ведь она знала, что ее дети тоже давно уж в Сибири. Знала и то, что старший сын Антанас уже несколько лет живет самостоятельно и даже имеет отдельную комнату в общежитии в поселке «Мотофлот», который находился рядом с районным центром Зырянка (Томская область). Знала, что второй сын – Владас «давно уж в могиле». Умер от кори, обучаясь на тракториста в ремесленном училище поселка Вознесенка. Поиски его могилы закончились ничем. Трое же младших братьев были разбросаны по разным детским домам Томской области. Вместе с Антанасом решили, что пока из детдома заберут двоих младших. Первое время всем им приходилось жить лишь на зарплату Антанаса. Несколько месяцев Мама в этом поселке «Мотофлот», как бывший враг народа, не могла трудоустроиться. Должность уборщицы начальной школы ей позволили временно замещать лишь тогда, когда уборщица ушла в декретный отпуск. Потом ее приняли все-таки охранять «склад» - штабеля бревен на берегу реки Кеть с окладом в 11 рублей. Когда младшие сыновья подросли, окончили школу и сами начали зарабатывать на жизнь, а в СССР еще теплилась «хрущевская оттепель», она, как и тысячи других, воспользовалась возможностью вернуться в родные края. Но в Бутенай было ехать некуда и не к кому. Выручил брат Альфонсас, предложивший приехать в Адомине и поселиться в доме престарелых тетушек (тетуле), которые все более нуждались в повседневной опеке. К этому времени Мама сама была на «заслуженном отдыхе». Поскольку послелагерный ее трудовой стаж и заработок были минимальными, то и пенсия тоже: 11 рублей. Колхозные пенсии тетул были на несколько рублей больше, поэтому Мама была вынуждена подрабатывать в местном колхозе. Это давало право иметь приусадебное хозяйство, которое и стало основным источником дохода. В 1980 году пришлось распрощаться с деревенской жизнью. Вести хозяйство становилось все тяжелее - возраст брал свое. Кроме того, ее уведомили, что по планам мелиоративных работ усадьба попадает под снос. Поэтому после очередного приглашения младшего сына Альгиса, она переехала жить в его трехкомнатную квартиру в Новой Акмяне, став пятым членом семьи. Так и не приспособившись до конца к жизни в городских условиях, она, тем не менее, стала активным помощником, как в ведении домашнего хозяйства, так и в воспитании внучат. Дожила почти до 95 лет, сохранив до последних дней жизни ясную память и способность к самообслуживанию. Последний раз она приехала в Бутенай, в уже полностью обустроенную новую усадьбу с поэтически названием «Бароно вилла», чтобы отметить в кругу многочисленных родственников свое 90-летие. Вероятнее всего, что этот приезд для неё самой был важен еще и как возможность попрощаться с тем местом, где прошла ее замужняя молодость, полная трудовых буден. Была усадьба, и стоял еще как новенький, но уже обжитый дом. Возможно в ее памяти оживали картины тогдашней жизни. Но вряд ли она могла вспомнить одну из многих картинок нашей деревенской жизни, которая в моем сознании сохранилась очень четко. Событие само по себе, как говорится, не стоит выеденного яйца. И, скорее всего, не произошло или не запомнилось бы, если бы не случилось незадолго

до ее ареста. В ожидании (или предчувствии) скорого ареста Мама занимается стиркой. Вокруг куча белья. Мама на стиральной доске обрабатывает очередную партию замоченного белья. Я стою рядом и канючу. По поводу чего – не помню. Мама в очередной раз просит меня не мешать работать. А я все более капризно настаиваю на своем. Она не выдерживает, оставляет на минуту стирку. Пока она ищет прут, я пытаюсь убежать. Но в итоге: догоняет меня и отстегивает. Естественно, что ни ощущения боли, ни обиды не осталось. Ведь сам был виноват, а Мама отстегала «не больно». Впервые шок и ужас я пережил, когда из дома забирали Маму. Более того, именно после этого в нашем доме поселился страх. Мы какое-то время боялись всего, особенно собак. Бабушка, на попечении которой мы остались, во многом заменила нам Маму. Но когда она уходила по делам, мы не решались выходить во двор, а сидели взаперти дома. Постепенно страхи отходили на задний план. Когда наступило лето 1946 года, мы уже спокойно отправляясь в лес по грибы. Старшие братья стали посещать школу, а в сентябре 1947 года и я в первый раз пошел в первый класс. От посещения школы осталась не только приятное воспоминание «о сладкой груше», но и не очень. Первая оценка, которую я заработал в школе, была двойка. Бабушку это сильно огорчило. До этого она меня не раз хвалила за то, что знаю наизусть много молитв. Я не стал более огорчать свою бабушку, ибо уже тогда ее сильно уважал, да и побаивался - она была строгая бабушка. Но первый класс в Бутенай мне было не суждено окончить. 31 декабря 1947 года местные службы НКВД решили окончательно зачистить наше семейство. В памяти лишь фрагментарно восстанавливаются события того дня. Точно помню, что за нами приехали не в 3 часа ночи, как было принято забирать «врагов народа», а уже утром. В нашу усадьбу на двух санных упряжках прибыла группа вооруженных людей в военной и штатской одежде. Я сразу этому не придавал особого значения, потому, что, так называемые, облавы были привычным делом. Но через какое-то время Бабушка нам сообщила, что военные приехали, чтобы нас куда-то вывезти. Гуманность прибывших проявилась и в том, что на сборы нам дали не два часа, как было принято, а несколько часов. Бабушка, как потом нам сама признавалась, вначале была уверена, что ее решили в очередной раз припугнуть и с такой оравой несовершеннолетних детей, никуда высылать не будут. Довезут до районного центра Купишкис и отпустят домой. Прекрасно владея русским языком, она свои сомнения и настроения не стала скрывать и от русскоязычных солдат - конвоиров. В ответ на это один из них сказал приблизительно следующее: «Бабуся, если вы не возьмете с собой все самое теплое, что у вас есть в доме; если у вас не будет запасов продуктов, то вы до места ссылки просто не доедете». Наши ближайшие соседи - родственники сразу пришли на помощь. Была заколота свинья. Большая часть ее туши была подготовлена к отправке вместе с нами. Благодаря этой поддержке в дальний путь мы отправлялись уже не налегке. Почему-то нас сначала завезли в соседний городок Сведасай, в котором у Бабушки было немало родственников. А когда, покидали городок, проезжали мимо домика, в котором жила сердобольная родственница. Бабушка, как она сама потом рассказывала, чуть было не решила отправить к ней Владаса. Видимо, было у нее какое-то предчувствие, что в сибирской ссылке он - не жилец.

Основная часть нашего «путешествия» по маршруту: Купишкис – Вильнюс – Москва – Томск – Асино проходила в «скотских» вагонах и в «скотских» условиях. Эти условия были типовыми. Их на своей шкуре испытали сотни и сотни тысяч депортированных. В моей памяти осталось ощущение предельной скученности. Изю дня в день в течение почти месячного «путешествия» по обозначенному маршруту,

мы были вынуждены выживать (есть, спать) на маленьком пяточке, образованном узлами с нашими вещами. Не менее изнуряющими были постоянная темнота и холод. Не смотря на то, что в вагоне всегда горел керосиновый фонарь и почти всегда топилась печь-буржуйка, мне, с моей выраженной близорукостью, было непросто по нескольку раз в день в полутемном вагоне попеременно пробираться то к «параше» - унитазу, чтобы справить нужду, то к буржуйке, чтобы обогреться дополнительно. Поэтому, когда, наконец, нас разгрузили на станций «Асино», мы все были очень рады уже потому, что снова могли свободно ходить и даже бегать. Казалось, что мы уже прибыли на место нашей новой жизни. Однако эта радость оказалась преждевременной и не долгой. Через какое – то время к вокзалу подъехало наше «персональное такси». Еще более универсальное средство перевозки ссыльных в отдаленные бездорожные районы Сибири, чем «скотские» вагоны. Оно состояло из двух частей: достаточно мощного гусеничного трактора и огромных саней, основу которых образовывали два, соответствующим образом обструганных, бревна. Сверху настилались доски. В тот день я впервые почувствовал, что такое сибирский мороз. Перед самой отправкой Бабушка нас всех тщательно «упаковала». Ей самой достался «казенный тулуп». Но когда тракторный поезд тронулся в путь, то выяснилось, что та же самая теплая одежда, которая защищала нас от простуды в вагоне, не защищает нас от постепенного промерзания на улице. В этой, казалось бы, безнадежной ситуации Бабушка решила на радикальный способ нашего подогревания. Через какие-то промежутки времени она нас всех, за исключением младшего четырехлетнего брата, заставляла прыгивать и следовать за санями «на своих двоих» до тех пор, пока не разогревались. Вот так она и спасла нас всех от вымерзания.

Постоянное место нашей ссылки имело характерное название: поселок Тайга. До него было не более 80 км, добрались туда мы через два дня. Встретил нас поселок несколькими бараками. В одном из них нашлась комната для нашей семьи. Благодаря Бабушке, мы быстро приспособивались к новым условиям жизни. Уже через несколько дней она наладила натуральный обмен. На нашем столе появилась картошка, а на ногах пара валенок. В них по очереди, чаще всего старшие братья, ходили по дрова, в тайгу, которая окружала поселок. Тем не менее, в начале процесса адаптации, когда впервые услышал в исполнении пьяных женщин частушки, я испытал своеобразный шок от столкновения с непривычной песенной культурой. На фоне моего реалигиозно-музыкального опыта частушки воспринимались как нечто дьявольское. Позже, когда я стал улавливать уже и смысл текста, я понял, что ошибался. Там же совершил греховный проступок, в котором тоже было что-то дьявольское, хотя я сам этого еще не понимал. В поселке находился магазинчик. В нём, кроме водки и селедки, продавали хлеб и конфеты «подушечка». Не раз я на них смотрел, глотая слюну, пока не осенила идея. Я вспомнил, что в комнате на полке давно бесхозно лежит бумажный рубль. После некоторых колебаний я явился с ним в магазин и погорел. На вопрос «продащицы»: где взял? Соврал, мол, нашел. После этого она сообщила, что этот рубль дореформенный. И на него уже ничего нельзя купить. Конфуз мой на этом не закончился. Бабушка, побывав в магазине, узнала про мою «находку». Мне было очень стыдно перед братьями, но особенно, перед Бабушкой. Именно этим ощущением эта история оставила свой неизгладимый след в моей памяти. Тем временем, пришла весна, а за ней и лето. Основные вещи были уже проданы или обменены на продукты. Других источников дохода не было. Какое-то время ситуацию смягчала созревшая черника, которую в основном собирала сама Бабушка. Но этот промысел чуть не закончился трагедией после того, как ее укусила

гадюка. Бабушка оказалась в больнице, но выздоровление шло медленно. Многие люди, сочувственно относясь к нашим проблемам, еще зимой предлагали «отдать детей в детдом». Но бабушка держалась до последнего. Однако после заболевания она и сама пришла к выводу, что у нее выбора уже нет. Ей помогли вместе с нами и с остатками скарба добраться до деревни Чердаты, в котором и находился ближайший детдом. Поскольку мы все были вывезены без каких-либо документов, то при приеме наши фамилии записали на слух. Так все мы из Баронасов в одночасье превратились в Баранесов. И лишь двое из нас: я и Альгис, со временем восстановили свою настоящую фамилию. И это не случайность. Мы, оба в итоге, вернулись на свою Родину. Для двух других братьев: Антанаса и Стасиса, сохраненная «баранезация» их фамилий, к моему глубокому сожалению, стала фактическим отражением такой формы ассимиляции, при которой приобретенная «русскость» ведет к атрофии «литовскости». Все мои попытки помочь, в частности, Стасису вернуть ему настоящую фамилию, а вместе с этим и литовское гражданство ему самому, его детям и внукам долгие годы оказывались безрезультатными. Однако в 2011 году, подросший старший внук отправился в гости в Кемерово, чтобы убедить дедушку все же проделать эту работу. Что в перспективе и внукам дает возможность получить литовское гражданство, не теряя при этом российского.

Устроив нас в детдом, Бабушка не бросила нас на произвол судьбы, а и сама пристроилась к детдому: стала работать на кухне помощницей повара. При этом она, конечно же, оставалась нашей главной помощницей. Особенно вначале не только подкармливала, но и поддерживала морально. И здесь не обошлось без курьезов. Прошло два года моей детдомовской жизни. Я в ней уже чувствовал себя, как рыба в воде. Одним из элементов этой жизни было лазанье по огородам, без разницы, по деревенским или своим. Цель очевидная: накопать или нарвать чего –нибудь вкусенького. В тот день мне захотелось печеной на костре картошки. Долго не раздумывая, и, как мне казалось, скрытно, прополз до кустов картофеля. Но только успел за пазуху затолкать несколько выкопанных картофелин, как услышал Бабушкин голос: кто там, бессовестный, среди белого дня копает нашу картошку? Детдомовская кухня находилась как раз напротив огорода. Мне ничего не оставалось, как попытаться спастись бегством. Лишь успел добежать до первых кустов березового леса, как чья-то сильная рука схватила меня за шиворот и чуть приподняла. Я перепугался настолько, что обмочился. После этого стал обворовывать только деревенские огороды и только после захода солнца.

Я в общем уже знал, что мое зрение хуже, чем у других детей. Дело в том, что уже в третьем классе меня пересадили на первую парту, чтобы мог разглядеть написанное на доске учителем задание. В четвертом классе я уже не видел и с первой парты... Поэтому учительница математики давала мне свою рабочую тетрадь. Естественно, я видел людей в очках. Но никто их мне не предлагал, потому что никто у нас не проверял зрение. Здоровье (и зрение) проверяли в конце августа каждого года только у тех, чья подходила очередь для перевода на учебу в ПТУ в Асино, где готовили механизаторов разного профиля. В августе 1955 года пришел и мой черед отправиться учиться на тракториста. От меня решили избавиться, как от хулиганистого подростка-переростка. Однако, когда я стал проходить комиссию по зрению, то меня не просто забраковали, а объяснили, что у меня такая форма близорукости, которая плохо корректируется очками. Поэтому о специальности тракториста или шофера даже нечего помышлять. Меня оставили учиться в школе. В это же время в детдоме сменилось руководство, а вместе с ним и система организации всей жизнедеятельности воспитанников. Очень быстро детский дом из

казенного заведения превратился для большинства из нас в родной, достаточно обустроенный дом. В нем стало интересно жить. Благодаря творческим усилиям нового директора А.П. Анисимова, который прекрасно играл на ряде музыкальных инструментах, завуча Василия Егоровича Холодова, который вернулся с войны с тремя орденами Славы, мои ценностные ориентации очень быстро изменились на 180 градусов. Основную массу воспитанников они увлекли далеко идущими проектами. Хилую казенно-патриотическую художественную самодеятельность они сумели сделать более разнообразной и профессиональной. Были закуплены инструменты для духового оркестра, найден специалист и мы учились (я на баритоне) играть по нотам. Были созданы группы игры на балалайке, баяне и даже на фортепиано. Драматический кружок готовил к постановке целые спектакли. Функционирование хора дополнилось выступлениями сольных исполнителей. Все это ставилось не только на сцене самого детдома, но и в школе. Изостудия учила всех желающих рисовать, в том числе и маслом. Я пишу об этом потому, что мне, кроме игры на балалайке и баяне, хотелось себя попробовать во всем. Но в силу отсутствия музыкального слуха мне удавалось быть полноценным исполнителем лишь в оркестре. От баритона там требовалось лишь воспроизведение такта. Я не стеснялся петь в дуэте с другом Витей Прохоренко, который от природы был одарен музыкально и имел сильный голос. Любил комические роли в спектаклях. Но более всего увлекся живописью маслом. Это позволило создать галерею копий классиков российской пейзажной живописи. Приехав в свой бывший родной дом через 20 лет после выпуска, я был приятно удивлен. Почти все, сделанные мной копии, висели на своих местах в рамках. Параллельно с этим нас сумели увлечь и «прозой жизни». Выращивали рассаду и потом высаживали ее новым «квадратно-гнездовым способом» в нашем огороде, чтобы у нас на столе присутствовали все овощи, включая помидоры и свежие огурцы. На пустыре с другой стороны от главного корпуса решено было заложить декоративный сад с аллеями и цветниками. Через 20 лет он уже смотрелся как настоящий парк, хотя и в запущенном состоянии. Именно увлеченность созиданием, а не «разрушением» после той встряски меня из «образцового хулигана» очень быстро превратила в воспитанного интеллигентного юношу, у которого в старших классах появилась даже кличка: «профессор». Вскоре меня приняли в комсомол, а в 1957 году чуть было не отправили на Всемирный слет молодежи и студентов в Москве. В районном центре успели сшить костюм. Но в последний момент кто-то дал «отбой». Аналогичная история случилась через 10 лет. Тогда меня, молодого преподавателя, чуть было не наградили за работу со студенческой лекторской группой бесплатной поездкой в ГДР. Но опять сработало «бдительное око».

В 1959 году успешно окончив среднюю школу, сходу попытался поступить в Томский государственный университет. Не получилось. В следующем году поступил на исторический факультет. В 1965 году закончил учебу, имея узкую специализацию: археология. Найти работу по специальности не удалось. Год учительствовал в средней школе в селе Пудино Парабельского района. Село после войны, благодаря наплыву ссыльных более 10 лет имело статус районного центра. Карьеру вузовского преподавателя в университете начинал с должности ассистента. В 1980 году защитил диссертацию и вскоре стал доцентом. В этом качестве сначала преподавал эстетику, а позже культурологию и историю культуры. Первый раз попытался вернуться в Литву еще в 1975 году. Без степени и языка не взяли на преподавательскую работу.

Еще в 1989 году стал одним из организаторов и до 2000 года являлся бессменным председателем Томского общества литовской культуры. Общество занималось культурно-просветительской работой, организовывало акции в поддержку независимости Литвы. Наконец, в октябре 2000 года, получив двухкомнатную квартиру в Вильнюсе, я вместе с женой Светланой окончательно вернулся в Литву. Более того, благодаря возрождению из пепла, а точнее строительству в Бутенай нового комплекса жилых и подсобных помещений я получил возможность вернуться и в свою родную деревню. Таким образом, мне кажется, что по отношению ко мне историческая справедливость восторжествовала в полной мере. Жаль только, что очень многих родных и близких с нами уже нет.

Литва, г. Вильнюс, август 2011 г.